

3-1001/64

КРОКОДИЛ

№ 1 (1723) • ГОД ИЗДАНИЯ 42-й • 10 ЯНВАРЯ 1964

В СЕМЬЕ ХАПУГИНА

— Посмотри, кто там. Не ОБХСС?

Рисунок Е. ШУКАЕВА

ДОСТАВКА С ГАРАНТИЕЙ

«3 июля я купила в Москве мебельный гарнитур и отправила его в Ростов, воспользовавшись услугами Мострансагентства № 3. Когда через два с половиной месяца я получила груз, мебель была в самом плачевном состоянии: прямо в полпированную крышку стола были вбиты гвозди, разбиты полки серванта, все поцарапано, обшито клеем, от стекол и зеркал остались одни лишь осколки. Найти виновных, чтобы они возместили причиненный мне ущерб, пока не удается ни в Мострансагентстве, ни в грузовой службе Юго-Восточной железной дороги.»

Р. КОПАЕВА (г. Белая Калитва, Ростовская обл.).

Уважаемая товарищ Копаева! Уважаемый директор Мострансагентства № 3 товарищ Бодрова! Уважаемый начальник грузовой службы Юго-Восточной железной дороги товарищ Трушин!

Крокодил выдвигает следующее предложение: пусть товарищ Копаева разделит свой гарнитур пополам и отправит товарищам Бодровой и Трушину для личного пользования. Пусть товарищи Бодрова и Трушин возьмут свою личную мебель и отправят ее Копаевой. Только, разумеется, минуя Мострансагентство № 3 и грузую службу Юго-Восточной железной дороги. О согласии заинтересованных сторон просим сообщить.

СТЕРШИЕСЯ ПЯТКИ

«Общество «Знание» Казахской ССР издало брошюру Е. Адамова «О культуре языка лектора». Несмотря на свое обязывающее название, брошюра написана и издана в высшей степени неряшливо. «Какое количество слов попадает на кончик языка лектора?» — спрашивает автор. А какое количество ошибок можно найти в книге, спрашиваем мы. Десятки. Тут и «штамповочные выражения», и сравнение шаблонных формулировок со «стершимися пятками», и «слава» вместо «слова», и «ведение» вместо «видение», не говоря уже о полсотне пропущенных запятых.»

Г. БАНДРОВСКИЙ (г. Актюбинск).

СБЕЖАВШАЯ ЕДИНИЦА

«У нас, школьников города Котельниково, Волгоградской области, был читальный зал. Но когда мы сегодня пришли туда, зал был закрыт. Мы спросили, почему, и нам ответили, что заведующая читальным залом Валентина Васильевна Егорова переехала на другое место жительства, а вместе с ней переехала и единица. Мы просим вернуть нам единицу.»

Т. КУЗНЕЦОВА, Р. СУЛЕЙМАНОВ, В. НИТОЧКИН, В. ГРУЗИНОВ и др.».

Дорогие ребята! Признаться, мы были так же поражены, как и вы, узнав, что в городе Котельниково когда уезжают, то вместе с пожитками упаковывают и штатные единицы. Причем по виду, наверное, не определишь, несет человек в чемодане единицу или нет. Эдак, глядишь, ни одной единицы в городе не останется...

Но за одну единицу не бойтесь, она прочно обосновалась в Котельниково. Это та единица, которую мы ставим городским властям, закрывшим читальный зал.

Решите сами

К авторам учебника арифметики для 4-го класса А. С. Пчелко и Г. Б. Поляку пришел школьник.

— Дяденьки, — попросил он, — не поможете ли вы мне решить одну задачу?

— Это мы можем! — бодро ответили дяденьки. — Задавай!

— «На складе хранился картофель. Когда туда привезли еще на одной грузовой автомашине 1 528 центнеров, а на другой — еще 1 765, то на складе стало 4 395 центнеров картофеля.»

Сколько картофеля было на складе первоначально?..»

— Знаем, знаем, — хором вскричали А. С. Пчелко и Г. Б. Поляк, — 1 102 центнера! Ты же читаешь задачку из нашего учебника!

— Правильно, — сказал школьник. — У нас в классе тоже такой ответ получился. Но ведь задача решена не полностью.

— То есть как? — удивились собеседники. — Мы в ней поставили только один вопрос.

— Но, кроме него, — сказал мальчик, — напрашивается еще один. «Что станет с автомашиной, если на нее сразу положить столько груза?»

— Не знаем, — растерянно сказали авторы учебника. — Над этим вопросом мы как-то не задумывались.

Г. ВАСИЛЬЧЕНКО

ЗА ЗЕМЛЮ!

Пензенская область, г. Кузнецк.

В. И. и В. Г. САЖНЕВЫМ

Уважаемые Вера Ивановна и Василий Григорьевич!

С прискорбием мы узнали о постигшем вас тяжелом несчастье. Шутка ли сказать: из отведенного Вам земельного участка размером 519 квадратных метров соседи отторгли 7 метров. Значит, и ютитесь Вы теперь всего на 512 метрах. Который год! Случилось ведь это в 1960-м, а сейчас уже наступил 1964-й. Если бы Вам возвращали в год хотя бы по одному метру, то и тогда размеры нанесенного Вам ущерба уменьшились бы почти вдвое.

Теперь Вы просите помощи у Крокодила. Что ж, придется пойти навстречу. Не в наших правилах оставлять людей в беде.

Направляем в Кузнецк бригаду сотрудников из 14 человек (по два на каждый квадратный метр). Надеемся, что кистени, шкворни и обрезы, столь необходимые для борьбы с захватчиками, найдутся в Вашем хозяйстве.

А может быть, все-таки не стоит браться за оружие?..

Нужен ли годовой отчет?

Недавно в редакцию пришло письмо. Из города Ростова-на-Дону. От читателя Н. А. Голоносова. «Критикуешь ты, дорогой Крокодил, много, а вот ответы на эту критику печатаешь от случая к случаю, — пишет он. — И мы не знаем, что же принято по твоим выступлениям? Может, ты, Крокодил, думаешь поместить в первом номере годовой отчет с дебетом? Отвечай-ка!»

«А любопытная идея!» — подумал Крокодил и, взяв портативную счетную машинку, уселся за годовую подшивку. Но задача оказалась явно непосильной. За 1963 год Крокодил получил более ста тысяч писем, и почти по всем приняты меры. Крокодил позвал на помощь сотрудников.

— Ты не понял, Крокодил, своего читателя, — сказали они. — Составлять годовой отчет он советует тебе как крайнюю меру. Не должны же читатели ждать целый год твоего дебет-кредита. Смешно!

— Смешно! — согласился Крокодил и отложил счетную машинку. — Надо сообщать в новом году о принятых мерах систематически, по возможности в каждом номере...

— Правильно!
— И начать прямо с первого.
— Совершенно верно!

В фельетоне «Верулава соревнуется...» (Крокодил № 26) речь шла совсем не о спортивных состязаниях. Главный врач Драндской больницы А. И. Верулава соревновался со своей больницей: кто быстрее закончит строительство. А поскольку в больнице его рука была владыкой и брала, что хотела, Верулава — строитель собственного дома накутировал Верулаву — главного врача. Министр здравоохранения Абхазской АССР тов. Гогохия сообщает, что фельетон проверен. Верулава больше соревноваться не будет, ибо он «снят с работы и строго наказан по партийной линии».

А что тут задумываться? Вопрос проще простого. Из машины получится металлолом и дровяная крошка. Также необходимые в хозяйстве вещи. Не знаем только, как это выразить в центнерах.

Есть в Таллине по улице Варсаалики конфискованный у тунейдда дом № 47. Трижды писал о нем Крокодил. Слишком долго городские власти переоборудовали его под детский сад. Наконец из Таллина сообщили: «Сад открыт. Приезжай в гости.»

И вот Крокодил открыл калитку дома № 47. О том, как детишки торжественно встретили Крокодила доброй тарелкой манной каши, как водили его по этажам, показывая игрушки, встроенную мебель, рассказывать не приходится. Сами понимаете! А потом они вместе пели: «По улицам ходила большая крокодила...»

Наверняка никогда не было так весело в этих комнатах при прежнем хозяине!

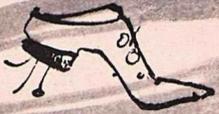
Сообщают из Узбекистана. «Факты, изложенные в заметке «Легко отделались» (Крокодил № 19), подтвердились. Действительно, Сладков и Николаев, решив «наказать» шоферов, поступили недостойно: спустили баллоны автомашин-молокозавозов. В результате выезд машин в районы за молоком был задержан более чем на 4 часа. Завод, возглавляемый Сладковым, систематически не выполнял план по всем показателям, Сладков, кроме того, плохо вел себя в быту. За все это Сладков с работы снят и ему объявлен строгий выговор.»

Зав. отделом ЦК КП Узбекистана А. Ахунджанов.

Вы покупаете яркий красивый платок, надеваете его и... случайно попадаете под дождь. Что происходит дальше, вероятно, известно многим женщинам, во всяком случае, тем, кто приобрел головные платки новосибирской фабрики «Труд» («Стойкие красители»). Крокодил № 29).

Главный инженер фабрики тов. Кочина пишет, что во всем были виноваты красители. На фабрике в настоящее время разработана новая технология, установлено оборудование для закрепления устойчивости красителей.

Продукция выпускается хорошего качества. И не боится дождика!

Уважаемый товарищ Адамов! Не могли бы Вы выслать автору письма в качестве примера парочку штамповочных выражений и, конечно же, какие-нибудь стершиеся пятки? А то и впрямь создается впечатление, что Ваша брошюра не блещет грамотностью.

В д а р ь т е еще раз!

Читатель Крокодила Александр Федорович Щепетнов из г. Кирсанова, Тамбовской области, получил автотрансформатор «АРН-250». К трансформатору была приложена инструкция:

«Уважаемый товарищ!

При транспортировке автотрансформатора в регуляторе могли произойти перемещения некоторых деталей. Поэтому перед включением его в сеть необходимо снять ручку регулятора и убедиться в том, что ось, на которую надевается ручка, не имеет касания с корпусом.

Если ось имеет касание с корпусом, необходимо поставить регулятор на бок и несколько раз ударить его основанием о поверхность стола. После того, как ось сместится к центру, можно надеть ручку и включить регулятор в сеть.

ЦТБ Посылторга»

А. Ф. Щепетнов сообщает: «Согласно этой инструкции, мы сделали все, даже били об стол с большой силой — ничего не помогло, пришлось нести трансформатор в мастерскую».

Уважаемый Александр Федорович!

Мы советовались по поводу Вашего случая с работниками Московского электростанции, который выпускает эти трансформаторы. И пришли к выводу, что Вы крайне непригодный к жизни человек. Если не смогли заставить работать трансформатор «АРН-250», то тогда как же Вы рубите дрова? Ручаемся, что Вам ни разу не приходилось дробить гранит, забивать сваи, работать отбойным молотком. Не тренируетесь Вы, вот в чем беда!

Следующий раз, когда попадет Вам такой приборчик, Вы уж не теряйтесь. Кстати, Вы ничего не сообщаете о Вашем столе: что с ним? По идее, при наладке трансформатора стол должен разлететься в щепки. И тогда трансформатор надо вдарить еще раз. Хотя бы об пол.

Учитите это!

ПИСАЛИ...

К.

— Пусть Петя еще немножко поспит. Я сама прокукарекаю.

Рисунок А. КАНЕВСКОГО

В выходной день папа повел меня и маму в зоопарк. Мы ходили там часа три. Останавливались почти у каждой клетки. Папа завидовал работникам парка.

— Роскошная у них жизнь, — сказал он. — Никаких планов, выполнений и невыполнений. Распилили зверей по клеткам, набросали им корма — и дело с концом! Поплывают в потолок и получают премиальные!

— Это только так кажется, — сказала мама. — У них наверняка есть свои неприятности.

— Не думаю, — сказал папа. — Если даже здесь безвременно подойдет какой-нибудь африканский попугай или зебрососел, его всегда можно списать по акту. Дескать, климат не подошел!

Так мы шли от зверя к зверю, пока не остановились у клетки с обезьянами.

— Судя по всему, — сказала мама, — обезьянкам здесь не так уж плохо. Посмотри на их меню. Им дают яблоки, рыбий жир и даже яйца...

— Это еще не факт, что они получают яйца, — сказал папа. — В меню все можно написать. Весь вопрос, доходит ли до них продукт! Боюсь, что они его в глаза не видят. — Папа повел носом и продолжал: — По-моему, от них пахнет луком. Ручаюсь, что шимпанзе и орангутанги жрут один лишь наш северный банан!

Я не стал больше слушать папины разговоры. Я подошел ближе к клеткам. Мама и папа присели на скамейку.

Обезьянкам было очень весело. Они прыгали, кувыркались, искали друг у друга блох, носились взад и вперед, как Бандар-Логи, что украли Маугли. Одна обезьянка состроила мне рожу. Я показал ей язык. Мы начали дразниться, и я не заметил, как подошли два дяденьки. Один высокий, как столб, с лакированным козырьком на лбу, другой — низкий, словно тумба. На животе у низкого висели два фотоаппарата.

— В нем что-то есть, — сказал дяденька с козырьком на лбу.

— Определенно есть, — ответил дяденька с фотоаппаратом.

— Потолкуй-ка еще с обезьянками, — попросил дяденька с козырьком.

— А вам зачем? — спросил я.

— Так просто...

— Не буду я так просто толковать с обезьянками, — сказал я.

— Что вы привязались к мальчику? — спросил папа.

— Вы его отец? — подошел к папе дяденька с козырьком.

— Я его мать, — ответила мама.

— А мы из кино, — сказал дяденька. — Моя фамилия Лузанов.

Мама заерзала на скамейке и поправила шляпку.

— Вы тот самый Лузанов?

— Тот самый, — сказал дяденька.

Мама поднялась со счастливым лицом.

— Как я рада с вами познакомиться! — сказала она. — Мы видели вашу картину «Счастье длиной в полтора года». Нам очень, очень, очень понравилось. Смешная комедия...

— Картинка действительно ничего, — отозвался со скамейки папа. — Смотреть можно. Так что вы хотите от нашего Пети?

— Мы ставим новую картину и ищем мальчика на главную роль.

— Ах, вот как! — сказал папа. — Петя! — крикнул он. — Давай без волокиты поиграй с обезьянами!

— Мне не хочется, — сказал я.

— Удивительный ребенок! — сказал папа. — Когда его не просят, он готов целый день строить рожи зверям. А когда требует дело, он губой не шевельнет.

— Не сердитесь, — сказал режиссер. — Не следует силком заставлять мальчика. Если разрешите, мы пригласим его на студию.

Дяденьки ушли. Мама до того разволновалась, что не могла больше смотреть на зверей. Неужели меня возьмут в кино? Можно ли поверить такому счастью? Господи! Я начну сниматься и стану знаменитым! В газетных киосках будут продавать мои фотокарточки. «Дайте мне Гурченко, Рыбникова и Петю Васюкова!» На «Голубом огоньке» мне поднесут чашечку кофе, и теледиктор, ласково улыбаясь, начнет допытываться у мамы, как ей удалось вырастить такого сына!

Вечером к нам пришла тетя Настя, и мама продолжала мечтать о кино. Папа был спокоен.

— Надо узнать, — сказал он, — как оплачиваются молодые дарования! Аккордно? За всю картину? Или поштучно, за каждый отснятый метр пленки? Может быть, славы много, а денег — шиш? Так тоже бывает.

— Не говори мне о деньгах, — закрыла уши мама. — Деньги для меня в данном случае ничто. Я о них слышать не хочу!

— О деньгах можете не тревожиться, — сказала тетя Настя. — У киношников их полные карманы. Они не дрожат над каждой копеечкой, как, скажем, в райсобесе. Мальчик одной моей знакомой снимался в кино. Режиссер повез ее и сына на юг. Они жили там за счет студии два с лишним года и горя не знали.

— Если это правда, — сказал папа, — то с такой божественной организацией следует познакомиться поближе.

Через два дня нам позвонили со студии. Папа взял выходной, и мы поехали к знаменитому Лузанову. Он нас ждал в съемочном павильоне. С ним еще была тетя, которую все звали Иринушка. Она посмотрела на меня серо-зелеными глазами и закричала:

— Это он!

— Тетя, разве вы меня знаете? — спросил я.

— Ну, понятно, знаю! Мы с тобой знакомы много лет! Я читала о

— Почему у вас два суфлера?

— Актер играет раздвоенную личность.

Рисунок А. КРЫЛОВА

ЧТО-ТО ЕСТЬ...

тебе в этой книге. Я тебя мысленно таким и видела! — И она прижала меня к своему пушисто-душистому свитеру.

— Поменьше экзальтации! — сказал режиссер Лузанов.

Он оторвал меня от тети, взял за подбородок и, заглядывая в глаза, начал медленно объяснять:

— Представь себе, что тебя зовут Коля. У тебя другая мама. Она больна. Тебе дали денег, чтобы купить ей лекарство. Ты пошел в ап-

— Великолепная эмоциональная отдача! — сказал режиссер.

— Что касается эмоциональной отдачи, — вмешался папа, — то .ее у Петьки хватает. На этот счет жаловаться не приходится. Во всем нашем крупноблочном доме, а в нем свыше ста квартир, такой отдачи не найдешь...

Папа еще немного поговорил про эмоциональную отдачу. После мы поехали домой. Мама ждала нас на лестничной площадке.

Иллюстрации Е. Щеглова

теку. Хулиганы отобрали мамини деньги. Ты приходишь домой без лекарства. Тебе жалко маму... Вот это будет ваша комната. Вон кушетка. На ней лежит твоя мама.

На кушетку легла тетя Иринushка. — Давай начнем, заходи в комнату, — сказал режиссер.

Я вошел в комнату. Тетя Иринushка смотрела на меня грустными глазами. Ее короткие, как у мальчишки, волосы были спутаны, и рот немного открыт. Сразу было видно, что она больна. Я остановился около кушетки. Мне стало так ее жалко, что даже в горле запершило. Я не знал, как сказать про деньги...

— Коленька, — сказала она. Я, чтобы не расплакаться, уткнулся носом в ее пушисто-душистый свитер.

— Стоп! — сказал режиссер. — Ну, что я говорю! — вскопчила с кушетки тетя.

— Скорей рассказывайте, — попросила она. — Как у него прошла проба?

— Можешь нас поздравить, — сказал папа. — У него хорошая эмоциональная отдача.

— А что это значит? — спросила мама.

— Черт их знает! — сказал папа. — Во всяком случае, за это платят деньги.

— Прошу, не говори мне о деньгах, — сказала мама и обняла меня. Мы еще несколько раз приезжали на студию. Наконец режиссер сказал папе:

— Мы возьмем вашего сына.

— Я в этом не сомневался, — сказал папа. — Грех было бы не взять мальчика с такой эмоциональной отдачей. Кстати, надеюсь, он будет работать не на общественных началах?

— Разумеется, — ответил режис-

сер. — Мы оплачиваем труд наших маленьких артистов.

— Если не секрет, сколько вы отвалите моему кормильцу?

— Сто рублей в месяц.

— Не густо. На эти деньги дачи не построишь.

— Таковы ставки, — сказал режиссер.

— Простите, а вы живете на ставку? — спросил папа.

Режиссер заворочал головой и даже покраснел.

— Я не совсем понимаю... — сказал он.

— Ручаюсь, что у вас есть приворок, — продолжал папа, не слушая. — Покажите мне режиссера, который живет на одну ставку!

— Что же вы хотите? — спросил режиссер, вытирая со лба пот.

— Я хочу, — сказал папа, — чтобы вы еще малость подработали этот вопрос. В каждом учреждении есть скрытые резервы, неиспользованные возможности, безлюдный фонд. Покопайтесь в финансовом хозяйстве, накиньте нам несколько сотен. Студия от этого не обеднеет.

— Никогда не думал, — сказал обиженно режиссер, — что мне придется вести такую торговлю.

— В жизни никогда не знаешь, что тебя ожидает, — сказал папа. — А пока будьте здоровы. Желаю вам успехов в труде и личной жизни.

Мы приехали домой. Мама ужасно огорчилась, когда узнала, как папа разговаривал на студии.

— Зачем ты говорил о деньгах? Что подумает о нас режиссер Лузанов?

— Пусть думает, что хочет, — ответил папа. — Лузанов сам хороший фрукт, впрочем, как и все творческие работники. Напрасно ты идеализируешь их. Они хапают деньги направо и налево, а продукцию выдают с брачком. Нельзя пойти в театр, чтобы не нарваться на порочную пьесу. О кино и говорить не приходится! Со стихами — и то надо быть начеку. Не успеешь оглянуться, как тебе подсунили идейную труху!

Папа еще долго ругал творческую интеллигенцию.

— Если Петю не возьмут сниматься в кино, я тебе этого никогда не прощу! — сказала мама.

— Не беспокойся, — сказал папа. — Возьмут! Никуда не денутся!

Папа был прав. Режиссер позвонил еще раз и попросил приехать.

— Какие у вас новости? — спросил папа, когда мы снова показались на студии. — Изыскали возможности?

— Нам разрешили сто двадцать, — сказал режиссер.

— На шею вам не брошусь, — сказал папа. — Почему сто двадцать? Я знаю, что некоторым платили по сто пятьдесят!

— Бывали и такие случаи, — согласился режиссер. — Платили тем, кто уже несколько раз снимался в кино.

— Вы слышите! — сказал папа, обращаясь неизвестно к кому. — Оказывается, у моего Петьки не хватает производственного стажа! Может, вы еще потребуете у него трудовую книжку?

— Никто этого не требует. Просто я хотел сказать, что у детей, которые снимались в нескольких картинах, больше опыта, с ними легче работать, и, естественно, дирекция...

— Мой Петька, — перебил папа, — и без трудового стажа даст сто очков форы вашим вундеркиндам. Вы же еще толком не знаете, как он играет. А ну, Петька, покажи, как тетя Мина читает книгу и одновременно кушает колбасу...

— Не надо показывать, — сказал режиссер.

— Нет, мы покажем, — сказал папа.

— Я прошу вас, — сказал режиссер.

— Можно, я уведу мальчика? — сказала тетя Иринushка, и ее серозеленые глаза потемнели. — Совсем не обязательно ему слушать все это...

Тетя Иринushка повела меня в комнату. Она была очень расстроена. Она села за стол, взяла лист бумаги и начала рисовать на нем кораблики. Она сидела, плотно сжав губы, будто боялась, что из ее рта выскочат разные слова...

— Тетя, — сказал я, — не сердитесь!

— О господи, — сказала она. — Разве на тебя можно сердиться, ты же расчудесный парень!

Она поцеловала меня в голову. Я хотел сказать, что она очень хорошая тетя и что я попрошу родителей не брать за меня денег, но в это время в комнату вошел папа.

— Собирайся, сынок, — сказал он. — Нам здесь больше нечего делать. Не о чем говорить с людьми, которые хотят сэкономить на безлюдном фонде и сорвать с Васюковых. Не выйдут! Васюковы тридцать лет жили без кино, проживут еще семилетку.

Папа помахал тете рукой. Мы быстро пошли по узкому коридору, где медленно прогуливались тетеньки в белых платьях и перчатках до плеч, а дяди в цилиндрах жевали бутерброды с сыром.

Мы приехали домой опять ни с чем, и мама страшно разволновалась. Папа посмеивался.

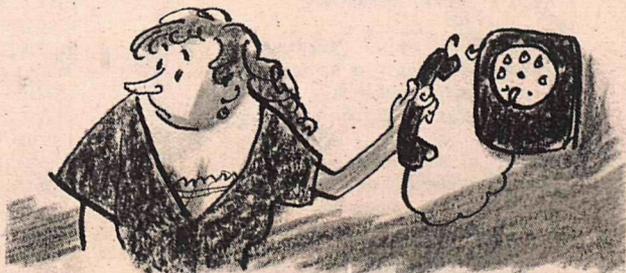
— Не будь паникершей, — говорил он. — Я прижал их к стене. Они никуда не денутся. Они выложат полторы сотни, еще в ножки поклонятся.

Мы стали ждать, когда дядя из студии поклонится нам в ножки. Стоило позвонить телефону, как папа, мама и даже соседи выбегали в коридор к аппарату. Прошла неделя, никто нам не кланялся. Мама испугалась, что эмоциональная отдача останется при мне, и сама позвонила на студию. Ей ответили, что для картины режиссера Лузанова уже подобран другой мальчик.

Мама выронила трубку и прислонилась к стене.

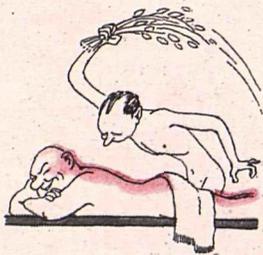
— Я знала, что этим кончится, — сказала она.

Папа помолчал немножко, потом сказал, что черт с ними, может быть, лучше и не связываться с этой кинолапочкой, с киношатней, с киновратией и особенно с этим Лузановым, гнусным творческим интеллигентом!

Виктор БОКОВ

ПОДХАЛИМ

Я видел подхалима. Был он голым,
Хоть ставь его на банный пьедестал.
С пристрастием подчеркнуто-веселым
Он венчиком начальничка хлестал.

«О вашество!» — и тихо бьет по спинке.
«Руководитель!» — и мочалкой трет.
И, словно на большой пирог с начинкой,
На зубы золотые смотрит в рот.

В печи пылали камни раскаленно,
И пристывали капли к потолку.
Начальник ахал, охал умиленно
И тенором молил: — Поддай парку!

Казалось, что в печи взрывался атом,
И пар, как белый голубь, вылетал.
А подхалим с упорством бесноватым
Хлестал, хлестал, хлестал, хлестал...

Сиятельство приказывало властно:
— А ну, опять! А ну, ловчей, ловчей!
И подхалим ловил подбострастно
Высокий свет начальственных очей.

Кругами дантовского ада,
Ни на минуту не мирясь в борьбе,
Казнить и подхалимов надо
И тех, кто их разводит при себе.

ПРИЗНАНИЕ ДЕЛЯГИ

Стал я опытной и старшей
И на жизнь трезвей гляжу:
Без подарка секретаршам
В министерство не хожу.

Люсе — плитку шоколада:
Люся любит шоколад;
Мусе — надо мармелада:
Муся любит мармелад.

Летом яблоки и вишни
Я в портфеле приношу.
Это, знаете, не лишне —
Мусе с Люсей подношу.

Сверх того билет нередко
Той и той кладу на стол.
Люся любит оперетку,
Муся ходит на футбол...

Но и я не унываю,
Мне они звонят: «Мы ждем!»
Прихожу и попадаю
Самый первый на прием.

ТАМ, ГДЕ ЗАРЫТА СОБАКА

— Как там у них веревочка ни кру-
тись, — прищурился Нил Кручинин, — а
конца все равно не миновать.

(Из одной книжки)

1. ВВЕДЕНИЕ

Стоит в Гомеле завод, выпускающий
пусковые двигатели для тракторов, «пу-
скачи» то есть.

Стоит в Гомеле и другой завод — эле-
ктроаппаратуры, выпускающий пуско-
вые станции для управления станками.

Нельзя сказать, чтобы это очень уж
хорошо было. Больно уж эти заводы не-
казисто работают: план срывают, браком
славятся.

А порою даже воздух вместо продук-
ции упаковывать случается и заказчи-
кам отправлять. По причине процветаю-
щих на поименованных заводах хище-
ний.

Это было бы смешно, когда бы не бы-
ло так грустно. И скучно. И для гомель-
чан неинтересно. Волнуют гомельчан
на данном этапе исключительно другие
вопросы.

2. НАСЧЕТ СОБАК ВООБЩЕ

С некоторых пор масса гомельчан взя-
ла в руки ружья и пошла в леса убивать
там личный досуг. Очень уж природа
на этой почве постаралась. Куда ни ступи
— тщательно смешанные леса. Куда
ни пальни — непременно либо в медведя,
либо в зайца, либо еще в какую курицу
угодишь. По числу охотников на душу
населения Гомель — ведущий город в
Белоруссии, а может, и во всем Союзе.

Без собаки же охотнику — труба дело.
Табак. Без породистой, умной собаки
охотник все равно что трактор без
пускателя. По числу породистых собак на
душу населения Гомель более ведущ, чем
по числу производимых здесь «пуска-
чей» и пусковых станций.

Поэтому самое легкое дело — заинтере-
совать гомельчанина какими-нибудь со-
баководческими тонкостями. Заморочить
теоретическими выкладками.

3. НАСЧЕТ КОНКРЕТНОЙ СОБАКИ

А тут вдруг конкретный такой случай
подвернулся — украли собаку.

Увели песика у главбуха гомельской
конторы «Зооветснаб» тов. Божкова. Ку-
да увели — неизвестно.

И прошел летом слух, что видели, буд-
то в Буда-Кощелевском районе шел од-
нажды мужчина, ведя на веревочке
главбухову собаку.

Взял главбух «газик», захватил своего
друга тов. Мирошниченко, судью Же-
лезнодорожного района города Гомеля, и
на поиски выехал.

Стали друзья колесить по окрестно-
стям. Строили гипотезы и подводили под
них научную основу. Сличали следы.
Собирали слухи и кал. Умозаключали.
Заблуждался в буераках. Следы вели в
Николаевку.

Николаевка в это время отходила ко
сну. Допроектировались по избам празд-
ничные чарки, ночной зефир струил
эфир, благополучно истекал Петров день
прошлого года.

Долго судья с главбухом пытались вы-
ведать, у кого же собака. И в доверие-то
втирались и с посторонних разговоров
начинали — никакого толку.

Спасибо, Петр Тур попался. Стали на-
седать на Тура. С ангелом поздравлять.
Допытываться. Чокаться.

Тур все куражился.

— На-ко те! — говорил. — Выкуси-
те! Мне хоть сколько ни пей, я все
равно свободно могу держать язык в
руках. А про собаку вашу я, может, и
вовсе уж запомято-ву-во-вывали дни
веселые, гуляя я маала-дец!

И вдруг как-то так не удержался и
поведал, что собака действительно
здесь, у конюха Тарманова.

В ту же ночь судья и главбух про-
никли на конюхов двор и выкрали свою
собаку обратно.

4. ОПЯТЬ НАСЧЕТ ТОЙ ЖЕ СОБАКИ

Всполошилась вся Гомельщина. Мили-
ция потребовала экспертизы, областной
суд повел расследование, местная прес-
са дважды доказывала, что красть со-
бак нехорошо, райком партии всобачил
судье строгача, главбух бегал целыми
днями по городу, доказывая, что собака
действительно его. Охотничье общество
выражало недовольство по поводу мед-
лительности милиции, «Гомельская прав-
да» осуждала суд за беспринципность
и мягкотелость, общество охраны приро-
ды долго и безнадежно ругалось в про-
странство... Общественность волновалась.

Отголоски скандала стали долетать до
Минска. Позвонили из «Сельской газе-
ты» и поинтересовались: что это, мол, у
вас там за тютюрки-матютюрки творятся?

Гомельчан это сразу подстегнуло. На-
помнило, что в Минске руководящие ор-
ганы помощнее, чем в Гомеле. Стали
бомбить письмами белорусскую столи-
цу.

5. ЖЕСТОКИЙ ВЫХОД

Собачьи страсти шестой месяц клоко-
чут на Гомельщине. Но уже намечается
кое-какой финал. Как в «Муму». Изму-
ченный общественным воздействием
главбух Божков, роняя круглые слезы,
ллет специальную пулю, чтобы застре-
лить собаку, причинившую столько зло-
пот.

Главбуха можно понять. И даже, мо-
жет быть, простить. А может, даже и
поблагодарить имеет смысл.

Ведь тогда товарищи из различных го-
мельских организаций смогут вытереть
пот со лба и получить большую умст-
венную передышку.

А передохнув, смогут, объединив уси-
лия, заняться развиванием какой-нибудь
другой веревочки в поисках конца. На-
пример, заняться заводами пусковых
двигателей и электроаппаратуры, при-
влечь к ним хотя бы половину того об-
щественного интереса, который на соба-
ку тратился. Посмотреть, как это так с
этих заводов столько добра тащат: полу-
проводники и железо, кабель и моторчи-
ки, даже целиком «пускачи» уносят.
Как это так получается, что заводы более
40 процентов брака дают? Почему срыв
плана — явление регулярное? Где же
тут в конце концов собака зарыта?

Е. МАТВЕЕВ,
специальный корреспондент Крокодила
Гомельская область.

Некоторые работники Министерства сельского хозяйства СССР требуют, чтобы министерство было снова переведено в Москву, на Садовое кольцо.

ПРОЕКТ НОВОГО САДОВОГО КОЛЬЦА

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

У Н А С В Г О С Т Я Х

сатирические журналы «ВОЖЫК» (г. Минск), «ДАДЗИС» (г. Рига), «КИПЕРУШ» (г. Кишинев), «МУШТУМ» (г. Ташкент), «НИАНГИ» (г. Тбилиси), «ПАЧЕМЫШ» (г. Йошкар-Ола), «ПЕРЕЦ» (г. Киев), «ПИККЕР» (г. Таллин), «ХОРПУШТАК» (г. Душанбе), «ЧАЯН» (г. Казань) и «ШЛУОТА» (г. Вильнюс).

САЖА И МЕЛ

Себя считая очень смелой,
Встречалась часто
Сажа с Мелом,
Завидовала:
Как он бел!
И вскоре...

очернила Мел.

Г. БЕЗРУКОВ

(«Пачемыш»)

Г. КЕЛБАКИАНИ

Честный человек

Совершенно неожиданно жилуправление решило произвести капитальный ремонт моей квартиры... Ремонтная контора подвезла стройматериалы, а вслед за ними появился и прораб Кириле Пертенава. Это был симпатичный, внушающий доверие мужчина лет сорока, тщательно и неудачно скрывающий за спецовкой стандартный животик.

— Посмотрите,— говорю я ему,— как мы живем. Пол вот-вот провалится.

— Правильно,— подтвердил прораб.

— А вот с этой стены осыпалась вся штукатурка. Слышно, как соседи ходят за стеной ходят.

— Опять правильно,— сказал прораб.

— Крыша протекает.

— Верю, верю! — сочувственно произнес прораб.

— Рамы дверей и окон совсем уж не годятся.

— Вижу, вижу, дружок... Что ж, сделаем капитальный ремонт. Пол и рамы заменим, крышу залатаем, стены оштукатурим, потолок отремонтируем. Это нам раз плюнуть.

— Две бутылки хванчкары, закуски, хачапури горячие и сверни голову курице! — крикнул я жене в порыве счастья и восторга.

В один момент стол был накрыт. Но прораб Кириле Пертенава запротестовал:

— Не могу!

— По стаканчику, Кириле.

— И не просите! Я же не могу обмануть семью, где я принимаю хлеб-соль.

— Вот именно таких людей я и люблю... Держи бокал. За твое здоровье!

Прораб еще немножко поупрямился, но в конце концов поднял бокал и произнес:

— Пусть будет проклят тот, кто делает плохой капитальный ремонт

в вашей квартире! — и выпил залпом.

После нескольких бокалов Кириле развеселился, спел арию из какой-то оперетты и вдруг замолк. Лицо его приняло озабоченный, страдальческий вид, еще минута — и он смахнул с глаз слезу.

— Что с тобой, Кириле?

— Черт бы побрал мой дурацкий характер,— сказал он, всхлипывая.— Раз я принял в вашей семье хлеб-соль и выпил бутылку хванчкары — баста! Я уже не могу сделать у вас плохой ремонт. Я поднимаю бокал за честность!

Прораб осушил бокал, вышел из-за стола, раскачиваясь, как часовой маятник, остановился посередине комнаты и, приняв строгий, официальный вид, торжественно заявил:

— После такого замечательного угощения я не буду делать в вашей квартире капитальный ремонт!

— Ты что, Кириле, опьянел?

— Опьянел не опьянел, а ремонт я делать не буду. Ну, зачем вам, например, менять этот пол?

— Да он же вот-вот провалится!

— Этот пол послужит вам еще лет двадцать. Даже если вы будете танцевать на нем польку, мазурку или какой-нибудь огневой танец из репертуара Нино Рамишвили и Илико Сухишвили. Если же я настелю полы из нашего лесоматериала, то через неделю они сядут, откроют рты, как голодные волки, а потом начнут скрипеть так, что на улице завоют собаки. Хотите вы этого?

— Ни в коем случае!

— А почему вы требуете заменить рамы в окнах и дверях?

— Да они дырявые, Кириле.

— Ну, а что будет, если мы поставим новые? Сумеете их открыть — наверняка не сможете закрыть, а если закроете, то не откроете. Хотите вы этого?

— Нет, конечно!

— Нет, конечно!

— А вот эта стена? Чем она плоха?

— Да я же говорил: за стеной слышно, как соседи ходят.

— Ну, а если мы заново оштукатурим, будет слышно не только, как они ходят, но и как чихают. Хотите вы этого?

— Не дай бог!

— Скажите, для чего стоит в правом углу тазик?

— Да туда с крыши вода льется.

— Так вот, после нашего капитального ремонта таких тазиков понадобится штук пять-шесть, а может, и больше. Хотите вы этого?

— Нет, ни в коем случае! Дорогой Кириле, спасите меня, выручайте мою семью! Не хочу я капитального ремонта!

— Не хочу ремонта! — в ужасе закричала и жена, выслушав исповедь прораба.

— Успокойтесь,— сказал Кириле.— Это ваше счастье, что я у вас принял хлеб-соль. Считайте меня вашим другом. Никогда в жизни я не сделаю ремонта в вашей квартире. Никогда! Я человек честный!

— Спасибо, Кириле, вы меня спасли.

— Для друга готов в огонь и в воду. А то, бывает, придешь с капитальным ремонтом, а хозяин и не подумает предложить хотя бы вина. Так я ему назло делаю капитальный ремонт по всем правилам нашей ремонтной конторы... Ваше здоровье!

— Так выпьем же и за ваше здоровье, Кириле!

— Благодарю вас. И вам того же желаю. И пусть лопнут мои глаза, если я сделаю у вас капитальный ремонт!

— Спасибо, Кириле!

И представьте, к моему счастью, прораб сдержал свое слово. Ушел. Не стал делать капитальный ремонт!

Нет, что ни говорите, а есть на свете честные люди!

(«Нианги»)

— Ты обещаешь носить меня после свадьбы на руках?
— Как, разве у твоего папы нет автомобиля?!

Рисунок
Е. Бердзенишвили.
(«Нианги»)

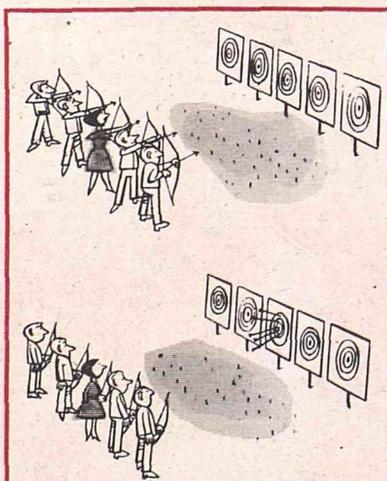
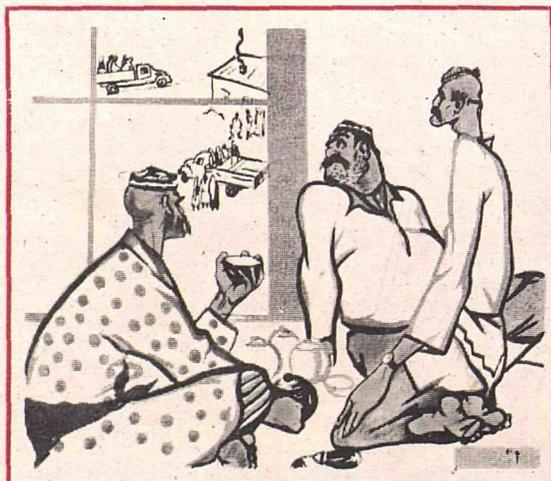
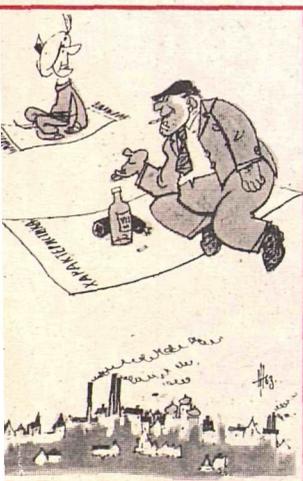

Рисунок
Х. Хийбуса.
(«Пиккер»)

— Везет женщинам: даже на работу их на машине подвозят!

Рисунок З. Хабибуллаева.
(«Хорпуштак»)

Рисунок
И. Мелгайлса.
(«Дадзис»)

— Товарищ д'Артаньян, там хулиган к девушкам пристаёт!
— Что вы, я же не настоящий д'Артаньян!

Рисунок А. Василенко и С. Герасимчука.
(«Перец»)

Представляете? Забинтованный метелями город Северодвинск—и симпатичная студентка. Вот она сидит над чертежами курсового проекта. А на этих чертежах выставлена водка, и лежит тело атлантической сельди с вылипшими ребрами. Вместо вилок и ножей—готовальня. Гости студентки Светланы К. рвут селедку рейсфедерами, накалывают ее ножками циркулей и под крик «Не пойдешь во вред младенцу Коле!»—швыряют куски в рот. Потом гости вытирают жирные лапы о курсовой проект и берутся за карты. Они бьют картами по столу и снова жрут селедку.

Об этом нам писал В. Барышев.

«Я очень тревожусь за свою знакомую. Она мне больше, чем знакомая. И я не могу молчать...»

А подтекст такой: пусть, предав огласке падение Светланы, я принесу в жертву свою любовь, зато силы общественности и печати вернут любимую к настоящей жизни.

Поступиться любовью во имя общественного блага—это не шутка. Тут проглядывают черты человека будущего.

...Студентка и вправду оказалась симпатичной. Она сидела в кладовке и переделывала курсовой проект. Вероятно, старые чертежи были залепаны селедкой и не годились для сдачи в институт.

Очень было любопытно взглянуть на первый вариант.

— Первый вариант?— удивилась Светлана.— Его порвал Барышев. Слава Барышев. Вон он сидит в сугробе.

Автор письма! Он действительно сидел в

ТАК БЕРЕГИСЬ ЛЮБВИ МОЕЙ!

сугробе, не сводя глаз с окна Светланы. А она ради маскировки работала в кладовой.

...Никто не сказал бы, что в Барышеве кипят страсти. Он даже не брונет. И не сломал ни одной доски в заборе северодвинского стадиона. И вовсе не он послужил прототипом героя оперетты «Полярные страсти».

Тем не менее это вулкан страстей. Славу Барышева как вулкан можно даже нанести на карту. Он хочет любить возвышенно чистого человека и потому воззвал к всесоюзной печати. Помогите довести Светлану К. до моральных кондиций!

И вот он сидит в сугробе под окном. Дозиметрист и комсомолец Барышев давно озяб,

но под луной горячим правдолюбским светом мерцают его глаза. Он будет сидеть до ночного боя курантов, а потом покинет пост. Он пойдет спать через весь город, к квартиросдатчице бабушке Хламиной, чтобы к утреннему бою курантов снова быть здесь, под окном. Потому что он хочет:

1. Грудью заслонять Светлану от нездорового окружения.

2. Ни днем, ни ночью не позволять шатким элементам посещать Светлану.

3. И ей запрещать ходить к знакомым на предмет разложения.

Но Светлана такую заботу не ценит.

— Три года нет покоя от слезки,— говорит она.— Знаете, даже мурашки по спине!

Письмо в редакцию расплывалось в тумане. Не было спившейся студентки. Не было знойных обоюдных страстей. Остался один автор письма, и пришлось долго ждать у него дома, пока он вернется из сугробов и расскажет о себе.

— Чего же,— дала аттестацию своему жильцу бабушка Хламина.— Парень он хороший. Даже в радио понимает!

Судя по предметам быта, автор был и правда вполне прогрессивен. Он читает польский журнал «Шпортовик», пользуется карманным приемником и содержит на лампе чертичка в стиле модерн.

На стене припилена фотография Светланы К. А под нею большой невыцветший прямоугольник обоев.

— Здесь раньше Ленкино фото висело,— говорит бабушка.

— Какой Ленки?

— Жены его. Она от него в ночь под праздники сбежала.

Оказывается, год назад, уже преследуя Светлану, Барышев женился на Лене. На работе он сказал:

— Мне горком комсомола рекомендовал жениться, чтобы я Лену воспитывал. Я и женился. И почти перевоспитал.

А на самом деле процесс воспитания несколько осложнился.

— Слава,— просила жена,— мне надо работать. Я не могу сидеть дома.

— Ты не будешь работать,— отвечал он.— На работе МУЖЧИНЫ. Не смей выходить на улицу! На улице очаг разврата!—И уже кричал:— Ты меня не любишь! Ты мне блинов не печешь!

Ему ничего не стоило притвориться мусорной урной, столбом—лишь бы занять удобную позицию и подматривать за женой. А когда Лена все-таки пошла работать, он становился в очередь перед ее ларьком и шпионил тут: а вдруг она улыбнется МУЖЧИНЕ?

Дома Лена плакала. Пекла блины. А он сидел на диване и читал журнал «Шпортовик».

Это было как раз то, что нужно: жена плачет, блины на столе.

За полгода совместной жизни Лена совсем разучилась смеяться. А потом не выдержала: ночью тайком уехала в Уфу.

Он остался без жены. Стало некого подымать до вершин моральной чистоты.

И тут-то он основал постоянный жандармский пост перед домом Светланы К. и купил книгу «Извлечения из уголовно-процессуального кодекса».

— Меня не любишь, но люблю я—так берегись любви моей!—роковым голосом поет он и что-то пишет. Куда пишет? В редакцию он уже писал. Теперь остается прокуратура:

«Прокурору гор. Северодвинска от Барышева Вячеслава»

Заявление

Прошу привлечь мою жену Елену и гражданку Светлану К. за нелюбовь ко мне по статье...»

Пока заявления в прокуратуру нет. Видно, трудно подыскать нужную статью. Но он ищет. Пусть другие нелюбимые мужчины гордо уходят. Они руководствуются старым и пошлым «Насильно мил не будешь». Глупо. Вот это лучше: «И заставлю тебя любить!» В административном порядке, но заставлю. Ведь есть политика с позиции силы? Есть. И пусть будет любовь с позиции силы...

А. МОРАЛЕВИЧ,

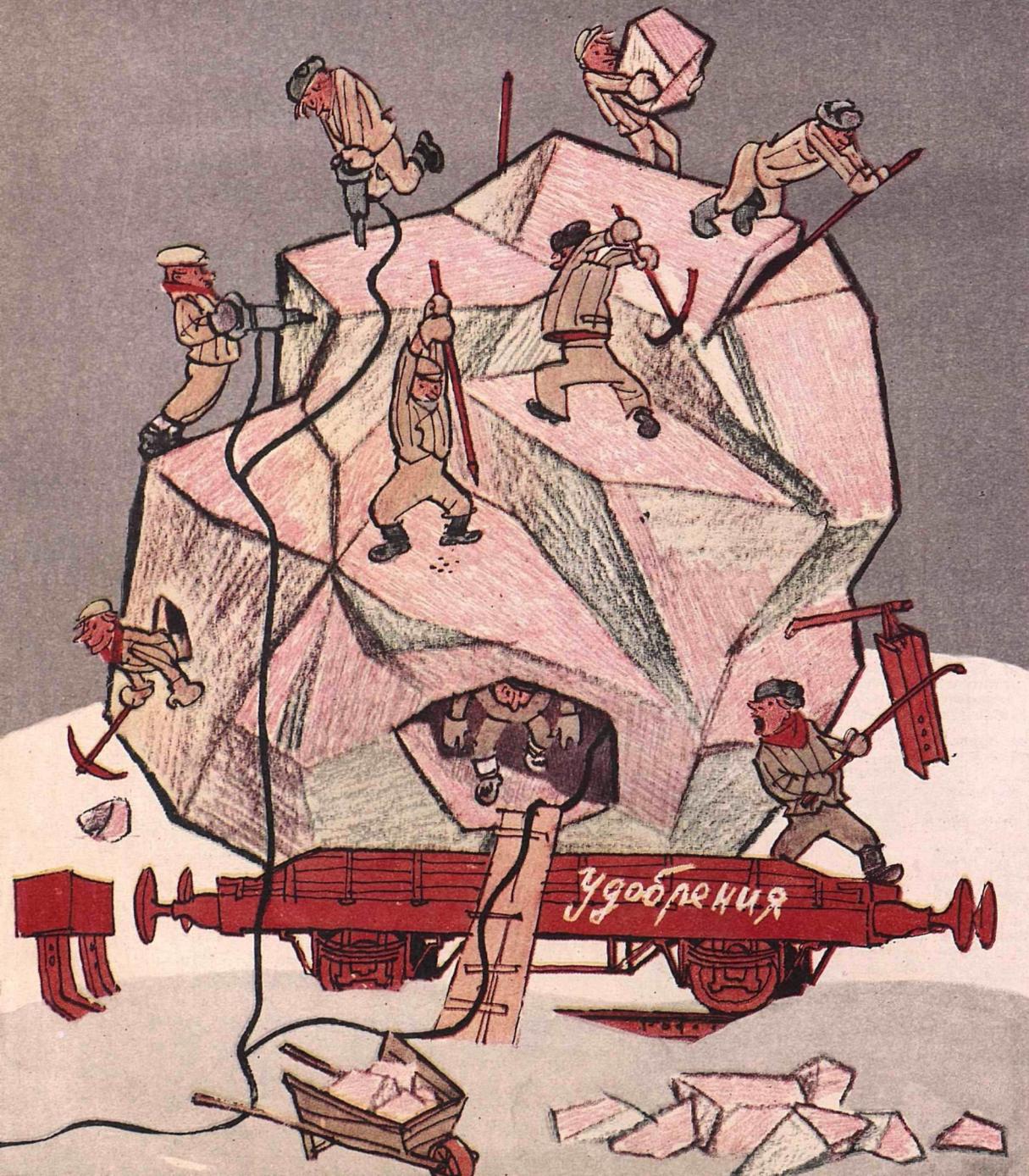
специальный корреспондент Кронодила

Северодвинск — Москва.

— Выходи! Смена кончилась!

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА

Некоторые заводы выпускают минеральные удобрения такого северного качества, что в колхозы и совхозы они приходят в виде глыб.

Гвоздь

Митра МИТРОВИЧ

РАССКАЗ

Товарищ Мирко весь захвачен составлением финансового плана. Перед ним куча балансов, счетов, выкладок... Его пиджак висит на стуле, галстук развязан, рукава засучены. Вдруг раздаётся едва слышный, робкий стук.

— Да!

Дверь медленно, робко приотворяется.

— Если только не помешаю... А то могу зайти и попозже.

— Это ты, Душко? Входи.

— Может, вы заняты, так я...

— Что-нибудь срочное?

— Пожалуй, что срочное.

— Какая-нибудь большая проблема?

— Проблема.

— Вот и выкладывай её.

— Пожалуйста: гвозди!

— Какой гвоздь?

— Тот самый, который вы, наверное, видели у входа. Справа в стене. Большущий, здоровенный гвоздь. Чуть ли не костыль. Люди цепляются за него и нервничают. А это влияет на качество работы.

— Ну-ну, не так уж все это страшно.

— Оно, конечно. Только рабочие постоянно рвут халаты, а тут уже чистый убыток.

— А почему не забьешь его в другое место?

— Думал об этом. Но сами знаете, какая у нас работа! Люди носят туда и обратно. Опять будут цепляться. Как бы хуже не вышло на первых порах, пока привыкнут, что он на новом месте.

— А разве нельзя его чем-нибудь заменить?

— Чем? Если забить костыль, тогда ещё больше будут цепляться.

— Это точно... Ну, что ж, давай подумаем. Кстати: зачем, собственно, он тебе нужен, этот гвоздь? Какое его назначение?

— Никакого, товарищ Мирко.

— А какого черта ты его тогда вколотил?

— Извините, но я его не вколачивал.

— А кто же?

— Кто его знает... С давних пор торчит.

— Так какого ты дьявола морочишь мне голову? Вытащи его — и вся недолга.

— Думал и так. Казалось бы, проще простого. Но вопрос, разумно ли?

— А что?

— Пожалуй, когда-нибудь и он бы мог послужить.

— Как?

— Ну, скажем, метра на два дальше вбить ещё один такой гвоздь, натянуть между ними веревку и вешать материал для сушки.

— Вот так и сделай.

— Я бы сделал, но у нас ведь есть специальные козлы для сушки материала.

— Тьфу!.. Так что ты тогда предлагаешь?

— Нет, я только говорю, что можно бы сделать... А вообще-то он не нужен.

— Раз не нужен — вытащи!

— Да-а, вытащи, а вдруг понадобится?

— А понадобится, вобьешь его, и дело с концом!

— Знаю, но и это не годится... Вытаскивать, потом опять забивать. Люди засмеют.

— Делай тогда как знаешь. Меня это не касается.

— Ну, конечно! Все говорят: «Делай как знаешь». А потом оказывается, что я поступил не так, как нужно. И критикуют на собраниях.

— Хорошо, я сейчас брошу работу и пойду его вытащу.

— Нет, вы меня не поняли, товарищ Мирко. Я не думал, чтобы вы лично... Вы помогите только решить эту проблему. А там уж я сам все проверю.

— Да брось ты, нашел ещё проблему! Гвоздь!

— Как не проблема! Она мучит меня уже столько дней! По ночам снится...

— Ерунда какая-то! Не понимаю: чего тут думать?

— Напрасно вы так говорите, товарищ Мирко. Как не задуматься? Сами видите, сколько мы с вами тут дискутируем и до сих пор ни к чему не пришли.

— Действительно, ты начинаешь действовать мне на нервы. Скажи мне толком: чего ты, в сущности, от меня хочешь?

— Ничего я не хочу... Вы спрашивали, какие есть проблемы, вот я и хотел узнать: как вы полагаете, можно устранить эту объективную трудность? Я имею в виду гвоздь.

— Правильно. Вот как: ступай сейчас же в цех, понял?

— Да.

— Вытащи его из стены...

— Да.

— ...и брось! Ну, а сейчас, надеюсь, тебе все ясно?

— Ясно.

— Тогда за дело! До свидания! — И товарищ Мирко углубился в работу.

— Знаете... товарищ Мирко... если бы вы...

— Господи! Чего тебе ещё?

— Мне бы письменное распоряжение...

— Письменное?!

— Не сердитесь, сами знаете, как бывает... Вроде оправдательного документа...

— Хорошо, напишу...

— Я вовсе не думаю, что вы потом откажетесь... если что случится... Но время идет... Забывается...

— Так вот: получай письменное распоряжение и будь здоров!

Товарищ Душко на всякий случай пробежал глазами бумагу, бормоча:

— Одобряю... гвоздь... стена... число. Все как надо. Порядок, товарищ Мирко. Будьте здоровы. — И вышел.

Мирко вздохнул.

— Ох, до чего трудный человек! — Потом поднял телефонную трубку и стал набирать номер.

Снова стук.

— Да!

Опять Душко. Явился со смиренной улыбкой.

— Это я.

— Чего тебе еще?

— Пришла мне в голову одна штука, товарищ Мирко... Пожалуй, все-таки здесь не все в порядке.

— Как это не в порядке?! Дал же я тебе письменное распоряжение.

— Вот именно, из-за этого. Вдруг свалится сверху какой-то приказ. А потом обоих нас под огонь критики за то, что игнорируем коллектив...

Я все-таки настаиваю: надо созвать по этому вопросу общее собрание...

Сокращенный перевод с сербско-хорватского Ив. ДОРЂИ.

Заокеанское

Владимир ИВАНОВ

НА ГОЛУБОМ ЭКРАНЕ

БАНКРОТСТВО

Ножи, пистолеты,
Кинжалы, кастеты,
Удавки, отмычки...
Кровавые стычки...
Гранаты, фугаска...

Владелец фирмы знаменитой
Сэр Джон скулит, как пес
побитый.

Холодным обливаясь потом,
— Торговли нет, грозит
развал..

Стал из-за Африки
банкротом!..

А все — «Телесказка
Для деток-мальшек
Из жизни зайчишек!»

Сэр кандалами торговал.

ОСТАТКИ — ШКОЛЕ

У бюджета крен военный.

— Да, — сказали

конгрессмены, —

Бомбы требуют затрат.

Но остатки — плохо, что ли! —

Мы отдать решили школе.

Пусть учитель будет рад!

Пусть спасибо скажут дети!..

Да остатков — вот беда —

В бомбо-пушечном бюджете

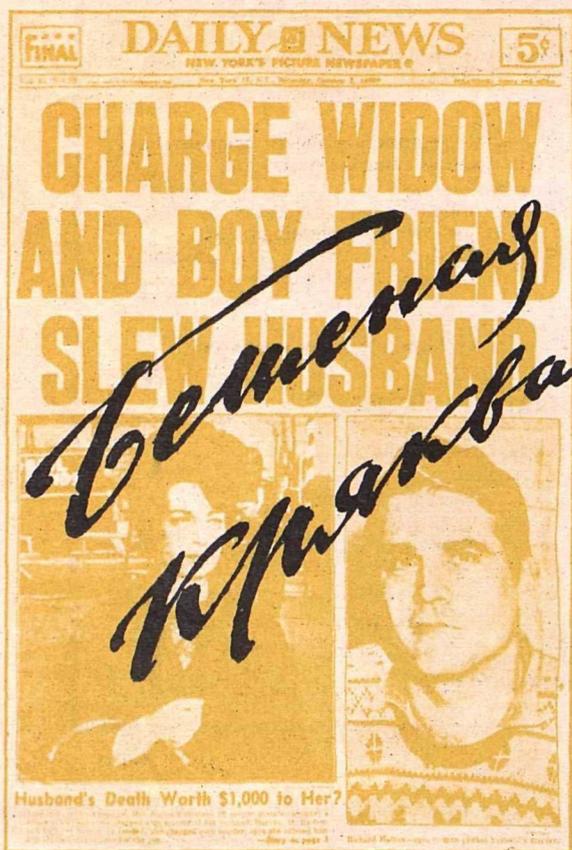
Не бывает никогда!

МАСКАРАД

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

Первая мировая война. Франция. Где-то под Марной.

— Мы должны завоевать Нью-Йорк, капитан! — Нью-Йорк будет наш, полковник!

Пробегавший мимо французский капрал решил, что американцы — капитан Паттерсон и полковник Маккормик — рехнулись.

Но оба были, как никогда, в норме. Исход войны в Европе их мало волновал. Завоевывать Берлин они не собирались. Речь шла о новой газете, которую предпримчивые двоюродные братья решили основать в Нью-Йорке.

Задача была не из легких. На нью-йоркском газетном рынке орудовали семнадцать газет, и никто не ощущал острой потребности в восемнадцатой. Никто, кроме братьев-чикагцев Роберта Маккормика и Джозефа Паттерсона, которые ощущали острую потребность в долларах. Операцию по отъему денег у жителей Нью-Йорка братья решили произвести с помощью газеты-кастета. Газета была задумана маленькая по формату, ухватистая, но бьющая в глаза без промаха.

Однако для разгона требовался первоначальный капитал. Маленьки братьев-основателей владели газетой «Чикаго трибюн». Монументальными задами они уверенно подминали мешок с семейными миллионами. Маленьки не очень-то верили, что замысел сыновей принесет дивиденд. Сцена выдачи суды меньше всего напоминала семейную идиллию. Скрежет фальшивых зубов сливался с откровенными проклятиями. В конце концов капитан и полковник чисто чикагским гангстерским нахрапом урвали требуемые суммы. 26 июня 1919 года новорожденная газета — ее окрестили «Дейли ньюс» («Ежедневные новости») — вышла в свет.

Новорожденному цыпленку положено быть желтым. В отрочестве цвет меняется. Но этот редкостный экземпляр быстро вымахал в на-

хальную газетную утку и в неприкосновенности сохранил природную окраску — желтую.

Вскоре Маккормик удалился в Чикаго, и в «Дейли ньюс» полноправно воцарился капитан Паттерсон. На фасаде редакции он приказал начертать слова Линкольна: «Бог любит простых людей и потому создал их во множестве». На самом деле «Дейли ньюс» имеет такое же отношение к Линкольну, как воришка — спец по краже электрорампочек — к Томасу Альве Эдисону. Простой человек, на которого ориентируется «Дейли ньюс», — это простой мещанин, неотягощенный интеллектом.

Мещанин не птеродактиль, для изучения его меню не требуется раскопок в геологических напластованиях. Паттерсон быстро уразумел, чем кормится его читатель. В прессе мещанина интересуют три животрепещущие проблемы: кто кого убил, кто с кем живет, ну и, естественно, у кого сколько денег.

На все эти вопросы «Дейли ньюс» отвечает обстоятельно и со вкусом. Однажды во всю первую страницу закатали тайно добытый снимок: казнь женщины на электрическом стуле.

Гримаса адской муки, смертельный оскал — материалчик, с точки зрения Паттерсона, просто прелесть, пальчики оближешь.

Капитан Паттерсон не устал орать с капитанского мостика на своих чернильных матросов:

— К черту интеллигентщину! Писать земным, грубым, примитивным языком! Курс на крети-на-обывателя! Так держать!

Так и держали.

Пятнадцать лет кряду распространением газеты ведал некий Лео Макгивена. Лео поучал сотрудников:

— Будьте сумасшедшими, будьте полоумными, лишь бы газета ошеломляла. Не давайте житья фоторепортерам. Если надо, пусть раздобудут снимок, как жираф целует жену прези-

дента...

Насчет того, кто кого целует, главный специалист — обозреватель Эд Сэлливан. Эд — дреманное око обывателя в спальнях кинозвезд и светских львов. Щедрой рукой он мечет на газетную полосу самые гадостные сплетни, ка-

кие только удастся раздобыть.

Вообще в «Дейли ньюс» все самое-самое. Самый большой, по американским условиям, тираж — два миллиона в будни, три с половиной по воскресеньям. Самые большие расходы, но и самые большие доходы. Самый большой объем — 112 страниц в будни и 156 — по воскресеньям. Пухлая пачка номера «Дейли ньюс» издали напоминает тюфячок для любимой кошки.

Понятно, что сто пятьдесят страниц газетного текста обывателю не осилить не то что за воскресенье, а за два года. Но чита в «Дейли ньюс», если не считать подписей под фотографиями-порнографиями, — с гулькин нос. На десятках полупустых газетных полос резвится и гогочет хвастливая торговая реклама. Лишь кое-где узенькая статейная колонка лепится по краю

рекламной страницы, как полоска щетины, случайно ободенная бритвой.

Ни одна американская газета не загребают столько на рекламе, как «Дейли ньюс». Только нью-йоркский универмаг «Мэйси» выплачивает

ей три миллиона долларов ежегодно за рекламу его товаров.

Казалось бы, розничным торговцам проще и дешевле выпускать свой собственный рекламный вестник без газетного гарнира. Но кто, скажите, станет изо дня в день покупать один и тот же почти не изменяющийся торговый каталог? Разве что не в меру любознательный индивидуум, который сидит с удочкой над пу-

«К чему переговоры с Кремлем? Мы никак не можем понять: с какой стати наша сторона должна искать основу для переговоров?»

14 сентября 1961 года.

тейль под названием «Дейли ньюс» — смесь скандальной хроники с зазывной похвальбой лавочников.

Между рекламой и газетным материалом существует извечная стройная гармония. Нельзя же, в самом деле, получать миллионы от торгашей, а в передовице выступать за отмену частной собственности! Не было еще на свете такой свиньи, которая жрала бы помой, а унавоживала хлев бриллиантами. «Дейли ньюс» защищает интересы капитала с рвением, прямо пропорциональным получаемым миллионам.

Судьба-насмешница порой бывает изобретательнее авторов юмористических рассказов. Трудно поверить, но факт, что в свои юные годы Джозеф Паттерсон выпустил автобиографическую книжонку под названием «Исповедь трутня». Миллионерский сынок клеймил власть денег, называл нехорошими словами папу и маму, занимался самобичеванием и... славил социализм! Но трутень скоро одумался. Мимолетный флирт с социализмом прошел, как сон, как утренний туман. Слова «социализм» и «СССР» если и появляются в «Дейли ньюс», то только в пасквильном контексте. Даже на время второй мировой войны Паттерсон не соизволил сделать перерыва в анти-советских упражнениях.

Капитан Джозеф Паттерсон почил в бозе в 1946 году. У штурвала пиратского корабля встал Фрэнсис Марион Флинн.

Новый хозяин свято следует паттерсоновским предначертаниям. Его газета стыдлива, как Кристина Киллер, и честна, как далласский полицейский.

Недавно Флинн здорово повеселился на похоронах ближайшей конкурентки — «Дейли миррор». Это был двойник «Ньюс» — такая же малоформатная, такая же нахальная бульварная газетка. Такая, да не такая! «Миррор» лопнула под тяжестью расходов, и папаша Флинн, довольный урча, содрал с банкротки скаल्प: скупил имущество покойной.

Как и в паттерсоновские времена, с капитанского мостика по-прежнему несется зычное «Право руля!». В любую погоду газета голосит о «коммунистической угрозе». Желтая кряк-ва мнит себя древнеримским гусем — спасителем Рима.

Чтобы записать на пленку голоса пернатых, ученым-орнитологам порой приходится часами сидеть в болоте с магнитофоном на спине. С изучением голосов газетных уток дело обстоит проще. Не опасаясь подцепить ревматизм, достаточно развернуть газету и выписать несколько цитат. На этой странице мы приводим образчики кряканья бешеной утки — «Дейли ньюс». Прочитав их, вы легко убедитесь, что к списку добродетелей «Дейли ньюс», начинающихся словом «самый», необходимо добавить:

самая крикливая,
самая реакционная,
самая лживая —

одним словом, самая желтая газета американского континента.

М. ВИЛЕНСКИЙ

КАКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ

были

АДАМ И ЕВА?

Многие философы мира до сих пор безуспешно бьются над решением этой сложной мифической проблемы.

Знаменитый мудрец, проживающий в Галикарнасе, недавно после долголетних наблюдений сделал важное историческое открытие. По мнению этого мудреца, наши прародители Адам и Ева, безусловно, были турками. В подтверждение он приводит следующие бесспорные доводы.

Все ученые утверждают, что Адам и Ева были голыми. Мы, турки, говорит мудрец, тоже голые, как и они. Это во-первых.

Всякий знает, что Адам и Ева, найдя яблоко, съели его, поделив пополам. Мы тоже, если нам удастся найти яблоко, вынуждены делить его на двоих, а иногда даже на троих или четверых. Это во-вторых.

Место, где жили Адам и Ева, говорят, было раем. Наши политические деятели в своих выступлениях постоянно подчеркивают, что Турция — райская страна. Это в-третьих... Попробуй скажи теперь, что Адам и Ева были не турками!

Перевод с турецкого из газеты «Аншам».

Экзамен для диктатора

Артур ХОППИ,

фельетонист газеты «Сан-Франциско кроникл» (США)

Я тороплюсь в Вашингтон, чтобы помочь отечеству. Госдепартаменту срочно необходим совет эксперта: как заранее определить, какой диктатор будет для нас хорош, а какой невыносим.

Как вы знаете, старания госдепартамента насадить в Латинской Америке нашу демократию дали пока что слабые результаты. Оно и не удивительно: уж очень сложна задача. Всякий раз, когда очередной полковник из очередной хунты сбрасывает очередного президента, нам приходится решать: как быть с этим новым типом — ссужать ему доллары или не ссужать? А что, если он окажется плохим диктатором?

Очевидно, назрела необходимость устраивать какой-нибудь простенький экзамен для новоиспеченных диктаторов.

Много лет подряд я вижу в воскресных номерах газет заголовки: «Проверьте себя, хороший ли вы муж» или «Проверьте себя, годитесь ли вы в свекрови», — и далее следует перечень вопросов, которые следует задать самому себе. По этому образцу я составил опросный листок, который поможет госдепартаменту определить, что за птица тот или иной новый латиноамериканский диктатор.

Например:

1. В каком настроении Вы просыпаетесь утром? (Ненужное зачеркнуть.)

- а) в мрачном,
- б) в свирепом,
- в) в убийственно мрачном.

2. Если дворецкий обольет Вас супом, что Вы сделаете с ним? (Ненужное зачеркнуть.)

- а) застрелите на месте,
- б) четвертуете,
- в) бросите заживо в кипящую смолу.

И дальше в том же духе. Как счастлив был бы наш госдепартамент, если бы с помощью таких анкеток он мог раскусить характер полковника, совершившего государственный переворот.

А впрочем, я, кажется, перемудрил. Ни к чему такие сложности. Я предлагаю оставить один-единственный вопрос, но зато уж обязать диктатора дать на него толковый и лаконичный ответ.

«Мистер диктатор, согласны ли Вы выполнять все, что Вам прикажут из Вашингтона?»

Ответы: «Да». (Хороший диктатор, можно давать доллары.)

«Нет». (Плохой диктатор. Не давать ему ни цента.)

Сокращенный перевод с английского А. БАРАНОВОЙ.

Происшествия

Шик с последствиями

— Что вы ищете?
— Да проект где-то между поправками за-
терялся!

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

МИКРОРАССКАЗЫ

Покойнице было лет 25... Пла-
мя свечи с трепетом пробегало
по ее прекрасному бледному
лицу, и тогда казалось, что
ресницы чуть-чуть шевелятся.
— Умница, — сказал режис-
сер. — Вставайте. Это ваша са-
мая живая роль за все
годы.

* * *

Трамвай набирал скорость.
Двое в черном подошли к Ген-
ке и глянули на него в упор.
Он заерзал, воровато озираясь.
— Руки вверх! — тихо сказа-
ли двое.
Генка встал, уступил место

женщине и взялся за пору-
чень.

Дружинники шли дальше по
вагону...

* * *

Гримаса ужаса исказила ее
миловидное лицо. Она бежала
в страхе, не разбирая дороги.

Ужас гнал ее вперед и впе-
ред.

А вдогонку из магазина «Ты-
сяча мелочей» неся ледяный
душу крик:

— Не бойтесь, гражданка,
это всего лишь диван-торшер,
последняя модная новинка!

Г. ЩЕГЛОВ

На фоне массовых осенних крос-
сов осталось незамеченным дости-
жение Бориса Шика на дистанции
Мытищи — Москва. И напрасно.
Ибо, несмотря на пересеченную
местность, взбухшее от дождя
пальто и кругобедный чемодан, на-
битый сухарями «Дорожные», Шик
показал почти олимпийское вре-
мя. Если же учесть еще, что на
финише Шика заведомо ждала не
почетная грамота, а тюрьма, то его
результат покажется вообще из
ряда вон!

И более того. Финишировав с
повинной в кабинете московского
следователя, кроссмен не только
не упал грудью на протоколы, а
еще нашел в себе силы два часа
говорить, не переводя дыхания.

А рассказать было что...
Как, например, ему, директору
мытищинского обувного магазина
Шикю, презентовали в торге поли-
рованный столик. В качестве по-
ощрения. Для утепления рабочей
обстановки.

Столик был низкий. Столик был
овальный и уже одной формой
своей как бы подстрекал к побуж-
дениям отнюдь не делового пла-
на.

Заместители директора В. Лизу-
нова и Э. Дударева изящно серви-
ровали полированный овал. Дирек-
тор с ловкостью фокусника извлек
пробки из разнокалиберных стек-
ляных сосудов. Столик обмыли в
прямом и в переносном смысле.

Полированный овал как-то сразу
полюбился директору. Настольно,
что он превратил его в постоянное
рабочее место. Но кто же держит
на овальном столике чернила? На-
до что-нибудь покрепче. Копьячок,
к примеру.

Заместители быстро свыклись с
новой производственной обстанов-
кой и даже перенесли ее в повсе-
дневный быт. Начинали за полиро-
ванным овалом у себя в родных
Мытищах. Достаточно разгорячив-
шись, устремлялись закупить фир-
менными щипцами в московский
ресторан «Арагви».

Гасли огни ресторанов, но не
угасала жажда. Троица размахива-
ла руками на перекрестках, будто
норовя улететь, останавливала так-
си и — в Шереметьево! Там, в
аэропортовском ресторане, послед-

ний гост на московской земле — и
в Ленинград на стремительном
«ТУ-104». За знаменитым тамош-
ним пивом и миногами.

И пришла унылая пора, именуе-
мая в просторечии осенью. При-
шла пора посчитать щиплят.
Собрались за полированным овалом,
посчитали недостачу. Получи-
лось не то 27, не то 30 тысяч.

Погрустили, набили чемодан су-
харями «Дорожные» и на рассве-
те отбыли с олимпийской ско-
ростью к следователю.

Скорость — это хорошо. Кросс —
прекрасно. Но ему, мытищинско-
му кроссу, не хватало главного, а
именно массовости. Голова в го-
лову, а может, даже на корпус впе-
реди Шика, Дударевой и Лизуно-
вой стоило бы прийти на «финиш»
многочисленным соучастникам
бурного забега мытищинской трой-
ки.

Тридцать тысяч, заметим, не
прокутишь за день, даже если ле-
тать за пивом в Ленинград. На это
потребовалось два года. За два го-
да в магазине было шесть реви-
зий. Шесть раз поднимали ревизи-
оры тосты за полированным овалом
и шесть раз недостач, разу-
меется, не находили.

Два года пребывала на страже
финансовой дисциплины бухгалтер
магазина М. Горькова. Мы понима-
ем, что зоркость ее была несколь-
ко притуплена, ибо в штате чис-
лилась также ее мачеха, не знав-
шая даже и адреса магазина. Но
от участия в «кроссе» Горькову
это не освобождает, как не осво-
бождает и главбуха Мытищинского
промторга М. Лупенкова, получа-
вшего от Шика 30 рублей в месяц
за «чуждость».

Не плохо бы выйти на дистан-
цию и директору горторга
А. Ивашкину и управляющему от-
делением госбанка И. Обухову. Не
раз, и не два, и не три приобрета-
лись они к полированному овалу.

Есть и еще один момент траги-
комического свойства. Магазин с
полированным овалом и районный
ОБХСС по счастливому стечению
обстоятельств находятся в одном
здании, под одной крышей.

А. ЮРОВ

МИМОХОДОМ

Уволенный за очковирательст-
во устроился в магазине «Оптика».

Фотоцелкунчик.

Командант строго следил за по-
рядком: водку без него в общежи-
тии не пили.

Говорят, Иван Иванович — по-
саженный отец. А за что, не гово-
рят!..

Спорт укрепляет здоровье, но
он же порождает болельщиков.

Л. МИТНИЦКИЙ

— А этого сорванца дочь
принесла в прошлом году и
сказала, что это маленький Но-
вый год!

Рисунок для Крокодила
Ю. ПУХАЛЬСКОГО (Польша)

Общественный Институт Улыбки и Смеха

Улыбались ли вы?

В 33-м номере журнала за прошлый год я объявил об учреждении «Общественного Института Улыбки и Смеха». И попросил читателей сообщить, какие произведения сатирического и юмористического жанра 1963 года им больше всего понравились: 1. Какая кинокомедия! 2. Комедийный спектакль! 3. Эстрадное представление или отдельный эстрадный номер! 4. Радиопередача! 5. Телевизионное представление! 6. Газетный или журнальный фельетон! 7. Юмористический рассказ! 8. Сатирическое или юмористическое стихотворение, эпиграмма, басня, афоризм! 9. Веселая песенка! 10. Журнальный или газетный рисунок, карикатура!

Читатели откликнулись.

Механик, секретарь парторганизации из г. Орджоникидзе Иван Семенович Ларьков голосует за напечатанный в Крокодиле рассказ М. Захарова «Назначение», за рисунок А. Василенко «Единственный вариант защиты для некоторых футбольных команд» из «Перца» и рисунок И. Семенова из Крокодила «Ну кто же бы мог подумать, что санаторий для сердечников выставит такую сильную команду!».

Читательница И. Иванова из Ленинграда считает очень смешным рассказ В. Драгунского «Главные реки», напечатанный в «Огоньке», Р. Галутин из Горького — фельетон С. Михалкова «Выведенное яйцо», опубликованный в «Известиях». В. Елецкий из Балашихи, Московской области, просит отметить артистов из Мосэстрады Н. Тиберга и М. Харитонову, изрядно веселящих зрителей.

Многих читателей моя анкета поставила в затруднительное положение: они не могут назвать по-настоящему веселой советской кинокомедии. Лишь ленинградец Н. Иванов, долго думая, назвал «Волгу-Волгу». Отличная у человека память!

Некоторые читатели не только отвечают на вопросы анкеты, но и высказывают свои пожелания, критикуют, в том числе и вашего покорного слугу. И правильно делают: дружеская критика пойдет на пользу!

Откликнулись на мой призыв и довольно хмурые люди. Например, А. Калашникова из г. Инты Коми АССР. Она сообщает, что в 1963 году никто из юмористов не заставил ее улыбнуться.

На мой вопрос: «Какое конкретное произведение искусства доставило вам несколько минут неподдельного, искреннего веселья?» А. Калашникова ответила вопросом: «А разве были такие произведения?»

В самом деле: были или не были? Улыбались ли вы?

Жду ваших сообщений, дорогие читатели.

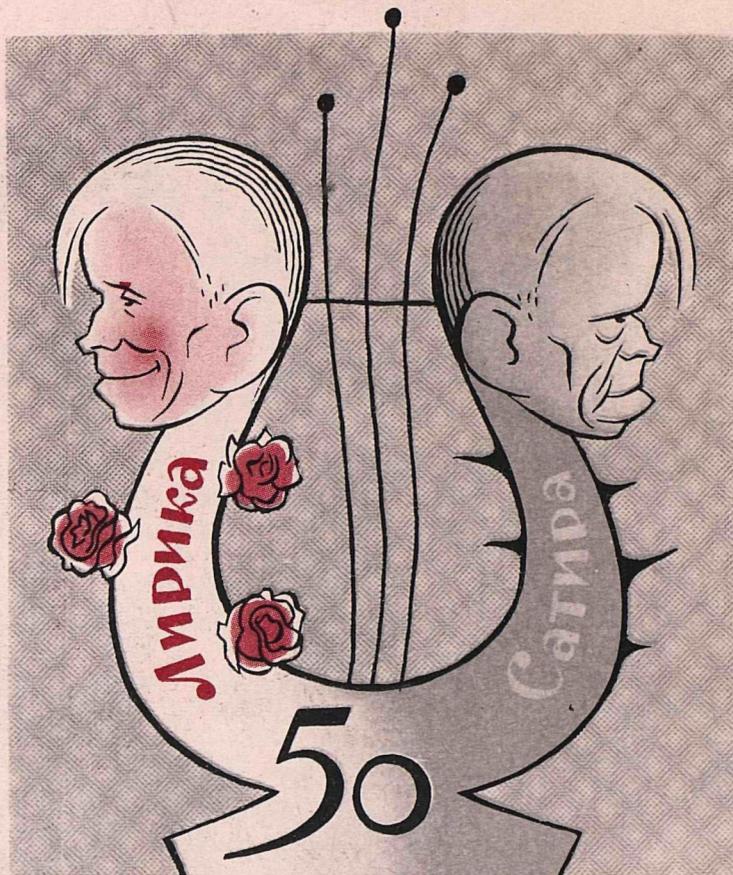
Как уже сообщалось, прием материалов будет продолжаться до 1 февраля 1964 года.

Ответы на анкету следует направлять по адресу: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14, редакция журнала Крокодил, «Общественный Институт Улыбки и Смеха».

КРОКОДИЛ

Сергей Васильевич СМИРНОВ

(К пятидесятилетию со дня рождения)

Дружеский шарж И. ИГИНА

Мих. РАСКАТОВ

Дядя «НЕ»

Все хвалят дядю
Там и тут
Уже немало дней.
За что?
Ну, как же: он не плут,
Не жулик, не злодей,
Не аферист, не казнокрад,
Не спекулянт, не мот,
Он не летун, не бюрократ,
Он взяток не берет,
Он не...
А, впрочем, хватит «не».
Он положительный вполне.

Плохого он — хвала ему! —
Не делал сроду никому.
Но есть вопрос: когда,
Кому помог он?
Чем горел?
И сколько добрых сделал дел,
Чтоб про него любой сумел
Сказать по праву: «Да!»?
Чтоб он заслуженно вполне
Был похвалой согрет...
*

Когда заслуги только в «не»,
Еще заслуги нет.

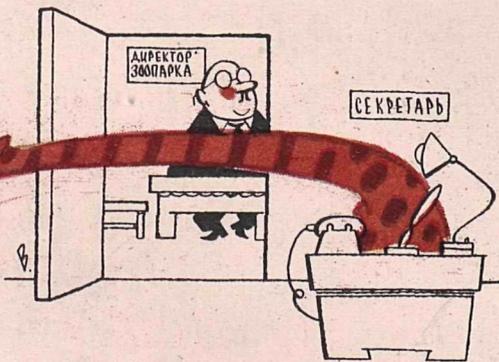
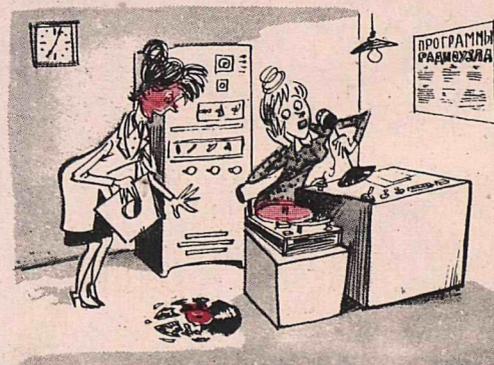

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

— У соседей большая свадьба. Мы им
одолжили всю свою утварь.

Рисунок В. ВОЕВОДИНА

— Товарищи радиослушатели, Георг
Отс по техническим причинам выступить
не может...

Рисунок Б. САВКОВА

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ. Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ, Б. А. ЕГОРОВ [зам. главного редактора], КУКРЫНИКСЫ [М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ], А. Н. РЕМЕЗОВ [ответственный секретарь], И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМИРНОВ, А. А. СУКОНЦЕВ, Е. А. ШУКАЕВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА».

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, д. 14.

Тел. Д 3-31-37.

Издательство «Правда».

А 00244. Изд. № 20. Подписано к печати 29/XII 1963 г. Формат бум. 70×108¹/₂. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 3228. 1 бум. л.—2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Современная религия уже не пытается бороться с наукой, а приспосабливается к ней. Церковники утверждают, что все достижения науки — от бога. Даже полет человека в космос...

НА БОГА НАДЕЙСЯ, А САМ НЕ ПЛОШАЙ

ДАВАЙ, КРЕСТНАЯ СИЛА, ПОБЫСТРЕЕ!

КАК ДО АПОГЕЯ ДОИДЕШЬ, ЗВОНИ В КОЛОКОЛА!

СТАРТОВАЯ КОМАНДА АРХ. МИХАИЛА

ЛАМПАДНОЕ МАСЛО

КООРДИНАЦИОННО-ВЫЧИСЛИТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР

8 - ЯНВ 1963
- СЛАВА БОГУ, ХОРОШЕГО КОНСУЛЬТАНТА ПРИГЛАСИМ.

ШТАБ ГЛАВНОГО КОНСТ

ГОВОРЯТ ТЕБЕ, НЕ ЛЕЗЬ В БОЖЬИ ДЕЛА!

Бюро военной
инженерной палаты
Контроль качества.
1964 г.

- ЮРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ, ТОЛЬКО ПОЖАЛУЙСТА, ОБРАЩАЙТЕСЬ ПО БОЖЕСКИ С ГЛАВНЫМ.

РАДИОТЕЛЕМЕТРИЧЕСКИЙ ЦЕНТР

НЕБЕСНЫЙ КОСМОДРОМ

Рисунок И. СЕМЕНОВА

Цена номера 12 коп.
Индекс 70448

1542
M

88